

Глава первая,

*в которой Крымовы приезжают на дачу,
а бабушка Лёля рассказывает истории*

Сверкающий микроавтобус свернул с асфальта и врезался в мягкую дорожную пыль посёлка, как лодка в воду. Пассажиров слегка качнуло, и мама глянула на спящего Матвейку: не проснулся ли? Гошка сделал вид, что никакого толчка не заметил, а Гелька, нечаянно заехавшая Енеше локтем в бок, получила в ответ сложенным веером по голове.

— Ай-я! — вскричала она и двинула сестре кулаком в плечо.

Енеша в долгу не осталась и толкнула Гельку со всей силы: если бы не ремень безопасности, та точно свалилась бы на пол.

— Ты обалдела совсем?!

Проснулся и захныкал Матвейка, мама сердито шикнула на девочек, они хором принялись объяснять ей, кто виноват.

— Сумасшедший дом, — пробормотал Гошка, не отрывая глаз от окна.

В это время микроавтобус подъехал к странному дому за зелёным забором, и папа, резко затормозив, сказал:

— Всё, вылезайте, спиногрызы.

Семья Крымовых прибыла на дачу.

Дача располагалась в садоводческом товариществе НИИ, что расшифровывалось как «Наука и Искусство». Здесь жили профессора, учёные, писатели, художники, музыканты. Родители Крымовы были далеки и от науки, и от искусства: мама работала конструктором на заводе, а папа — экономистом.

Но зато бабушка...

Бабушка у Крымовых была просто клад! Она носила двойную фамилию Петрова-Метерлинская, коллекционировала старинные открытки, называла себя «вольным скульптором» и умела печь имбирное печенье. Но самое главное: у неё был

этот огромный и, как говорил папа, сверхсказочный дом в великолепном месте, почти на берегу озера, и можно было привезти сюда на всё лето детей. Бабушка совсем не возражала против их шумного общества. Только не разрешала заходить к себе в мастерскую — угловую комнату, самую солнечную и просторную. Но и без мастерской всем детям Крымовым было чем заняться.

— Не знаю, что бы мы без тебя делали, мама, — повторяла мама Крымова.

— Да, спасибо вам огромное, Ольга Львовна, что берёте на себя такой груз, — смущённо вздыхал папа Крымов. Он чувствовал себя неловко, что оставляет на тещу-пенсионерку четверых оболтусов.

— Ах, перестаньте, Миша, что за разговоры? — отмахивалась бабушка и доставала из духовки рогалики, яблочный штрудель или печенье. — Лучше на стол накройте.

Папа Крымов кидался в гостиную, или, как её называли здесь, Комнату-без-углов, потому что она и правда была круглая, отодвигал стулья от круглого стола, стоявшего посередине, доставал из комода у стены белоснежную скатерть — других бабушка не признавала — и, как парусом, взмахивал ею над столом.

— Красота! — неизменно говорила мама Крымова и бежала на кухню за тарелками, блюдами, блюдцами, чашками, ложками, пузатым чайником и вазочками с вареньем. Потом папа торжественно вносил настоящий самовар, в котором кипела от горячих углей вода, и бабушка Лёля кричала на весь огромный дом:

— Дети! К столу!

Только бабушке Лёле было позволено называть их «дети».

Бабушкин дом был такой же странный и такой же замечательный, как и сама бабушка.

И внуки любили их вместе, нераздельно. По семейной легенде, первый раз они приехали сюда лет тринадцать назад. Хотя, сказать по правде, тогда мог приехать только Гошка, и то в животе своей мамы. Просто тринадцать лет назад бабушка стала полноправной хозяйкой. История про дом — любимая сказка на ночь...

— Это дом моего учителя, — каждый раз в грустной задумчивости начинала рассказывать бабушка Лёля. — Он был уже очень стар. И очень одинок. Трое детей, восемь внуков, правнуки... но... все они жили слишком далеко, чтобы его навещать. Я приезжала к нему на выходные. Привозила абрикосовое варенье и тульские пряники — он очень любил пить с ними чай. Однажды за чаем он сказал мне: «Лёля, мои дети такие богатые и занятые люди, а я скоро умру. И тогда они продадут дом, чтобы избавиться себя от лишних забот. А я не хочу. Этот дом построил своими руками мой дед, по кирпичику, и любил он его не меньше, чем кум Тыква свою лачугу... А отец достраивал его всю жизнь, потому что у нас была большая

семья и много родственников, которым вечно негде было жить. Я здесь родился и вырос. Здесь я написал свои лучшие картины и встретил свою единственную любовь. Пусть дом будет твоим, раз он не нужен моим детям. Только не продавай его. Не хочу, чтобы он попал в неизвестно чьи руки».

В тот день мы первый раз с ним поссорились. У него трое детей, восемь внуков и правнуки, а он собирается отдать дом мне! Одной из сотни своих учеников!

«Зато ты самая талантливая, — сказал учитель в ответ на мои возражения. — А мастерской своей у тебя нет. И неизвестно, будет ли. Талантам, Лёля, надо помогать, бездарности пробьются сами». Но, конечно, я не согласилась. Пригрозила даже, что больше не приеду в гости. А остаться в таком возрасте без абрикосового варенья очень трудно.

А потом он умер. На похороны приехал только один его сын с женой и сыном, чудный мальчик, ясноглазый такой... как его звали? Запомнювала... И вот этот Макс Петрович, такой весь затянутый

в костюме, застёгнутый на все пуговицы, долго по дому ходил, осматривал, считал. Я спрашиваю его: «А что будет с домом? Неужели продадите?»

«Вообще, — сказал он, — выгоднее снести и продать землю. Сам дом — несуразная развалюха, за него и гроша ломаного не дадут».

— Так и сказал? — перебила Гелька бабушку.

— Так и сказал! «Несуразная развалюха»!

А вот мне нравится!

— И мне! — подал голос Матвейка из своей кровати в углу.

— И мне нравится! И мне! — хором подхватили Гелька и Енеша и тут же надулись друг на друга.

Гошка промолчал, но было и так понятно.

— Я долго его убеждала не сносить, рассказывала, как дорог был дом его отцу, как тот провёл здесь последние годы, и предлагала сделать в доме музей.

«Ах, милочка, — брезгливо ответил мне Макс Петрович, — мой отец хоть и талантливый художник, но всё же не настолько, чтобы на его музее можно было заработать. Это нерентабель-

но. Впрочем, если вам так хочется, могу продать вам дом с участком». Потом он ещё что-то посчитал в своём калькуляторе и добавил: «Могу даже в рассрочку».

— И ты согласилась! — сказали близняшки хором.

— Конечно! Вот уже тринадцать лет выплачиваю ему... на создание музея денег, конечно, нет... Ну ничего! Осталось совсем немного, и я выкуплю дом, и вот тогда посмотрим, кто был прав насчёт таланта Петра Яковлевича!

Бабушка решительно встала с кресла и тряхнула головой.

— А про домового?! — заныли девчонки.

— А про колодец и сокровища? — подхватил Матвейка.

— И про чердак!

— Завтра, — сказала бабушка. — Поздно уже.

Она по очереди поцеловала Матвейку, Енешу, Гельку и Гошку, погасила толстую оранжевую свечу в керамической плошке, которую сама вылепила, и на цыпочках вышла из комнаты. Дети ещё какое-то время слышали, как поскрипывают

половицы под её лёгкими шагами. Они знали, что сейчас она придёт в Комнату-без-углов, где ждут взрослые Крымовы, зажжёт свечи в старинном подсвечнике, потому что очень любит живой огонь, тем более вечерами, и они будут вести разные взрослые разговоры, которые всегда так хочется слушать, даже если ничего в них не понимаешь.

Гошка погладил стену возле своей кровати. Он спал на втором этаже кровати-чердака, почти под потолком. Эта часть дома была самая старая, начальная, срубленная из вековых лиственниц. Бабушка называла её сердцем дома. Стена теплела под рукой, и Гошке казалось, что он любит бабушкин дом больше всех.

Глава вторая,

*в которой Гошка рассуждает о похожести,
сидит на крыше и пожимает руку,
а потом лапу*

Если смотреть на дом со стороны крыльца, то он кажется совсем небольшим. Это потому что со стороны крыльца видно только стены прихожей, бабушкиной комнаты и кухни. Но если начать обходить дом слева, то вынырнет пристрой, в котором сейчас гостевая комната, а за следующим углом — ещё один пристрой. Там у бабушки мастерская. Второй этаж будто бы весь состоит из мансард, террас и балкончиков. А ещё башенка есть. И флюгер на крыше. Такой дом мог построить только очень необычный человек! Одна Комната-без-углов чего стоит! Ещё Гошке нравилось, что в доме много картин: на стенах, на пианино, на специальных подставках... Там были и портреты, и натюрморты, и пейзажи. И даже портрет бабушки в молодости был.